

К вопросу о формировании советской эвакуационной программы в 1941 году

Л. А. Сугако

В силу развития оперативной обстановки задача организации эвакуации из западных республик Советского Союза уже с первых дней Великой Отечественной войны превратилась в одну из самых неотложных. Необходимо было спасать людей, материальные ресурсы и культурные ценности от угрозы уничтожения, захвата, эксплуатации и разграбления гитлеровскими захватчиками и использовать данный потенциал в интересах советских оборонных усилий. Трудности решения этой сложной в организационно-техническом отношении проблемы усугублялись дефицитом времени в условиях быстрого продвижения противника, массированными ударами его авиации по коммуникациям в советском тылу, передачей воинским частям транспортных средств гражданских учреждений, предприятий и организаций, нехваткой рабочих рук по причине мобилизации в Красную Армию военнообязанных либо отвлечением людей на строительство оборонительных рубежей, переборами в работе связи и т. д.

Эвакуация развернулась по нескольким направлениям – в тыловые регионы СССР отправлялись население, оборудование промышленных предприятий, готовая продукция, сырьё и полуфабрикаты, топливо, продовольствие, материальные ресурсы сельского хозяйства и скот, транспортные средства, имущество систем здравоохранения и связи, культурные ценности.

В разгар Второй мировой войны известный американский публицист и журналист Л. Сулицбергер назвал перебазирование производительных сил в Советском Союзе в глубокий тыл легендарным. «Этот осуществлённый в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, – писал он 20 июня 1942 г. на страницах популярного американского журнала «Лайф», – одна из величайших саг истории. Причём речь идёт отнюдь не о спорадическом процессе: перевоз заводов был подготовлен заранее и в день «П» – переезда – планы эвакуации были плавно пущены в ход» [4, с. 27]. Исходя из контекста данной комплиментарной оценки представляется логичным вывод о наличии в предвоенном СССР продуманной и тщательно спланированной эвакуационной программы как минимум в области промышленности. Солидаризируясь с маститым американским публицистом в общей оценке советского эвакуационного процесса, позволим себе не согласиться с утверждением о его предварительной подготовленности. Сегодня, на наш взгляд, существуют достаточно серьёзные основания считать, что Советский Союз вступил в войну, не имея официально

разработанного и утверждённого плана эвакуационных мероприятий на случай возможного нападения агрессора. Данный тезис обосновывается следующей аргументацией.

Во-первых, в пользу озвученного нами утверждения свидетельствует характер действовавшей в предвоенный период в СССР военной доктрины, нацеливавшей советские войска на перенос боевых действий на территорию противника уже в начале войны [2, с. 206; 10, с. 78]. Поэтому, по мнению российского исследователя М. И. Мельтюхова, «...наступательные операции Красной Армии... должны были стать содержанием начального периода войны» и «...никаких оборонительных операций советский Генштаб... не планировал» [5, с. 303]. И. В. Тимохович отмечает, что соединения и части дислоцированного в Беларуси Западного особого военного округа накануне войны «...не были готовы к ведению жёсткой позиционной обороны. По своему расположению, оперативному построению они в большей степени были нацелены на ведение наступления, нежели обороны» [16, с. 16]. В соответствующем духе велась и пропагандистская работа среди советских военнослужащих. М. И. Мельтюхов цитирует официальный рупор Наркомата обороны газету «Красная звезда» от 17 ноября 1938 г.: «Наша оборона – это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны» [5, с. 341]. Вследствие доминирования подобных взглядов в среде советского политического и военного руководства маловероятно, чтобы разработка эвакуационной программы была признана необходимостью. Если бы подобная программа существовала, то представляется нелогичным решение о строительстве накануне войны в Минске (всего в 300 км от границы) важнейшего объекта оборонной промышленности – авиационного завода, предназначавшегося для выпуска штурмовиков Ил-2 [1, с. 345; 17, с. 98].

Во-вторых, в довоенном СССР не исследовался и, соответственно, не обобщался богатый опыт эвакуационных мероприятий российских властей в годы Первой мировой войны, что указывает на отсутствие интереса к данной проблематике. Подобное вряд ли имело бы место в случае разработки эвакуационных планов. Известный советский и российский историк Г. А. Куманёв приводит фрагмент из воспоминаний бывшего заместителя наркома путей сообщения СССР и начальника Грузового управления НКПС Н. Ф. Дубровина: «...опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось» [4, с. 11]. Вероятно, всё-таки не знали, где искать, ибо почти полное отсутствие «эвакуационных» документов выглядит довольно странным, так как размах соответствующих мер в годы Первой мировой войны был достаточно широким. Только с занятой немцами в 1915 г. западной части Беларуси в тыловые районы России полностью либо частично

было вывезено 432 промышленных предприятия (более трети всех имевшихся здесь до войны). Кроме того, с незанятой территории Минской, Могилёвской и Витебской губерний было эвакуировано ещё 29 предприятий [12, с. 45].

В-третьих, осуществление эвакуационных мероприятий в первые дни войны тормозилось нередкими случаями растерянности местных властей, пассивным ожиданием ими директив сверху, противоречивыми распоряжениями, что говорит о неподготовленности к данному роду деятельности и отсутствии соответствующих планов и инструкций [7, с. 62]. Об этом же свидетельствует и неоднократно встречающаяся переадресация эвакуированных объектов ещё во время подготовки к отправке в пункт первоначального назначения, либо когда уже железнодорожные эшелоны, направившись с оборудованием, имуществом и материалами к одному пункту дислокации, в пути получали распоряжение изменить маршрут. Изменение места размещения вызывалось не угрозой его захвата противником, а иными причинами, например, если речь идёт о промышленном предприятии, дефицитом энергетических мощностей или скудостью сырьевой базы, необходимых для его работы. Иногда тот или иной город чрезмерно «нагружался» эвакуированными заводами и фабриками (Куйбышев, Тамбов, Пенза, Уфа, Новосибирск и др.). Поэтому переадресация промышленных предприятий вряд ли указывает на наличие продуманного плана перемещения производительных сил. Опираясь на архивные материалы, автор установил, что летом 1941 г. из 123 известных нам эвакуированных промышленных предприятий БССР подобную переадресацию пережили 15. Так, Витебская трикотажная фабрика им. К. Цеткин, направленная в Новосибирск, оказалась в г. Мелекесс Куйбышевской области, Могилёвский кожевенный завод им. Сталина, местом назначения которого вначале был определён г. Богородск Горьковской области, в конечном счёте оказался в Барнауле; Гомельский спичечный комбинат «Везувий» так и не прибыл в Тамбов, добравшись до Томска; Речицкий экстрактный завод им. Ворошилова вместо ст. Шумерля в Чувашской АССР разместился в г. Ханабат Узбекской ССР и т. д. [14, л. 2–3, 9–10, 13–16]. Подобная практика имела место и в РСФСР. В частности, направленный вначале в Уфу Карачаровский механический завод (г. Москва) затем был передислоцирован в г. Джамбул (Казахская ССР) [13, л. 100].

В-четвёртых, в распоряжении исследователей имеются свидетельства непосредственных участников событий об отсутствии в начале войны планов перебазирования производительных сил западных регионов СССР в глубокий тыл страны. Приведём несколько примеров. Секретарь Белостокского обкома КП(б)Б А. П. Эльман писал в июле 1941 г. в ЦК КП(б)Б: «Абсолютно не был продуман вопрос об эвакуации женщин и детей, оборудования предприятий и ценных грузов, не было учтено, сколько этих грузов, какое количество автомашин, гужевого транспорта, вагонов и паровозов потребуется для вывозки» [3, с. 110]. 18 июля 1941 г. в Совет по эвакуации при СНК СССР было доставлено письмо из Генерального штаба Красной Армии, подписанное заместителем начальника Генштаба генерал-майором Ермолиным и начальником военно-экономического отдела интендантом I ранга Васильевым, в котором был сделан

следующий вывод: «Эвакуация населения и промышленных предприятий с Западной границы СССР проходит без заранее составленного в мирное время эвакуоплана, что, несомненно, отрицательно отражается на её осуществлении» [9, л. 46]. Упомянувшийся выше Н. Ф. Дубровин после войны отмечал, что «...конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали» [4, с. 11]. Наконец, в материалах к справке БШПД о боевой деятельности партизан в период с 22.06.1941 по 22.06.1943 г. констатируется, что «...в связи с вероломным вторжением немцев в Советскую Белоруссию ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР был составлен и рассмотрен подробный план эвакуации промышленных предприятий, тракторов, скота, государственных ценностей и продуктов питания» [15, с. 11]. При внимательном чтении данных строк документа представляется вполне обоснованным вывод – к разработке эвакуационной программы руководство Беларуси, приграничной советской республики, приступило только в условиях начавшейся войны.

Не будем, однако, утверждать, что «эвакуационный» вопрос вообще не рассматривался советским руководством в довоенное время. По сведениям Г. А. Куманёва, некоторая работа по разработке эвакуационных планов проводилась Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г. Но далее составления черновых вариантов дело не пошло [4, с. 9]. 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», в рамках которого была создана специальная комиссия по эвакуации из Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. Учитывая, что столица Советского Союза оказалась в сфере досягаемости стартовых с аэродромов Центральной Европы дальних бомбардировщиков, комиссия предложила с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн 40 тыс. москвичей. Но работа комиссии не встретила поддержки И. В. Сталина, 5 июня 1941 г. «попросившего» её ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить [4, с. 9].

Таким образом, эвакуационные планы стали разрабатываться и почти одновременно проводиться в жизнь лишь в первые дни войны в связи с неудачным её началом. Закономерно, что в данных обстоятельствах первые соответствующие распоряжения как на республиканском, так и союзном уровнях часто носили разобщённый, узковедомственный характер, касались только отдельных сторон этой многогранной проблемы. Так, вечером 22 июня 1941 г. бюро ЦК КП(б)Б дало указание Наркомату просвещения вывезти «детские учреждения из мест, подвергнутых бомбардировке», управляющего Госбанком БССР обязало в суточный срок эвакуировать в Москву ценности, денежные знаки и архив банка, а утром 23 июня распорядилось немедленно отправить в тыл учёные и другие партийные документы обкомов, горкомов и райкомов ЦК КП(б)Б [3, с. 32; 15, с. 11–12]. В этот же день НКПС СССР даёт указание приступить к эвакуации работников, подвижного состава и путевого хозяйства Брест-Литовской железной дороги, а нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия при-

казал эвакуировать заключённых из тюрем и колоний западных областей БССР [7, с. 62; 11, с. 21].

Тем временем необходимость создания центрального органа, который взял бы под контроль весь процесс эвакуации, придав бы ему организованный и скоординированный характер, начинает осознаваться на высшем уровне советского руководства. 24 июня 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР был создан Совет по эвакуации при СНК СССР во главе с Л. М. Кагановичем. Его заместителями стали А. Н. Косыгин и Н. М. Шверник. Задача Совета была определена в довольно общей форме – вывоз населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей [4, с. 9]. На следующий день, 25 июня, была образована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем Совнаркома республики И. С. Былинским (заместителями стали И. А. Захаров и И. А. Крупеня) [1, с. 646].

Очевидно, осознавая расплывчатость критериев эвакуационной политики, обозначенных в постановлении от 24 июня 1941 г., 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают Постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», являвшегося более конкретным руководством к действию. В частности, были довольно чётко определены приоритеты в осуществлении эвакуации. В первую очередь эвакуации подлежали «...важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее, хлеб)...» и население, а именно «...квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники» [8, с. 208]. Военные советы фронтов обязывались уничтожать то ценное имущество, которое по тем или иным причинам невозможно было вывезти. Организация эвакуации возлагалась на местные органы власти, предоставление необходимых транспортных средств – на Наркомат путей сообщения СССР. Объекты и время эвакуации устанавливались Советом по эвакуации или военными советами фронтов, которым предоставлялось право, в силу сложившейся обстановки, самостоятельно определять порядок и время отправки в тыл населения, промышленного оборудования и других материальных ресурсов [8, с. 208].

Анализ решений советского руководства, в которых так или иначе затрагивалась тема эвакуации, показывает, что культурные ценности в разряд её приоритетов не попадали. В упоминавшихся постановлениях понятие «культурные ценности» не прописывалось отдельно, а, видимо, подразумевалось под обезличенным обозначением «...другие ценности» [4, с. 9]. Исключение было сделано лишь для архивов, особенно партийных, при наличии в них материалов об организации на оккупированной территории партизанского и подпольного движения, которые не должны были достаться врагу (списки членов парторганизаций, их личные дела и т. д.) [15, с. 14–15]. Отметим также особое отношение к известнейшим музеям Москвы и Ленинграда (Алмазный фонд, Оружей-

ная палата, Эрмитаж, Русский музей и др.), чьи сокровища предписывали эвакуировать на восток страны два специальных постановления ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. [4, с. 11].

Нараставший с каждым днём вал «эвакуационных» вопросов сделал чрезмерной нагрузку на председателя Совета Л. М. Кагановича, одновременно занимавшего пост наркома путей сообщения и в первую очередь озабоченного обеспечением всё возрастающих потребностей фронта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович, разрываясь между двумя важнейшими участками работы, «...не может обеспечить чёткую и оперативную работу Совета по эвакуации» [6, с. 104]. 3 июля 1941 г. его новым председателем вместо Кагановича был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. М. Шверник, параллельно находившийся на не самой обременительной в тех условиях должности главы советских профсоюзов [4, с. 10].

По всё ещё неполным данным, в течение второго полугодия 1941 г. из прифронтовой зоны в тяжелейших условиях первых месяцев Великой Отечественной войны вглубь страны были эвакуированы около 17 млн человек и 2593 промышленных предприятия, а также значительные объёмы иных материальных ресурсов, что, несомненно, существенно укрепило военно-экономический потенциал советского тыла и способствовало достижению Победы. Вместе с тем отметим, что на оккупированной территории осталось 63–65 млн советских людей, а до войны здесь работало 31 850 предприятий [4, с. 22–23, 27]. Процесс спасения производительных сил западных регионов Советского Союза был бы более результативным, появившись ещё в довоенное время эвакуационная программа и продуманный алгоритм её реализации.

Литература

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945: энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1990. – 680 с.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. А. А. Ковалени. – Минск: БЕЛГА, 2005. – 544 с.
3. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): док. и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 458 с.
4. Куманёв, Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. / Г. А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.
5. Мельтюхов, М. И. Улучшенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) / М. И. Мельтюхов. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Вече, 2002. – 544 с.
6. Микоян, А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны / А. И. Микоян // Новая и новейшая история. – 1985. – № 6. – С. 99–112.
7. Олехнович, Г. И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г. И. Олехнович. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.

8. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. – С. 208.

9. Об эвакуации предприятий НКО // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 195.

10. Пономаренко, П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1945 / П. К. Пономаренко. – М.: Наука, 1986. – 438 с.

11. Приказано приступить. Эвакуация заключённых из Беларуси в 1941 г.: сб. док. / Нац. архив Респ. Беларусь; сост.: А. И. Кокурин [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 72 с.

12. Сасим, А. М. Промышленность Беларуси в XX ст. / А. М. Сасим. – Минск: Экоперспектива, 2001. – 271 с.

13. Совет по эвакуации при СНК СССР. Разная переписка об эвакуации предприятий оборонного комплекса // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 190.

14. Справка об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материалов и ценностей из Белорусской ССР // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 102. – Оп. 3. – Д. 2.

15. Сугако, Л. А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л. А. Сугако // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2008. – № 2. – С. 10–21.

16. Тимохович, И. В. Битва за Белоруссию, 1941–1944 / И. В. Тимохович. – Минск: Беларусь, 1994. – 254 с.

17. Шапиро, В. Л. Завод, который умеет делать всё / В. Л. Шапиро. – Минск: ИнтерДайджест, 1997. – 384 с.